

Лидия Чарская

Проданный талант

Лидия Чарская

Проданный талант

«Public Domain»

1907

Чарская Л. А.

Проданный талант / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1907

Как во сне ехал Алексей Ратманин по шумным и суетливым петербургским улицам. И не только сейчас, а все это время переезда от Вольска до Петербурга казалось ему одним сплошным тяжелым кошмаром...

© Чарская Л. А., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

I	5
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лидия Алексеевна Чарская

Проданный талант

I

– Итак, решено: ты едешь?

– Решено окончательно. Еду. Прощай.

Ратманин поднял на товарища свои красивые черные глаза. В них отразилась вся стойкая, непоколебимая натура юноши. Он помолчал немного, потом сказал:

– Ты должен мне дать слово, Студнев, навещать ее часто, часто... и сообщать мне все, что ей надо... Умоляю тебя об этом ради всего дорогого. Она ведь мне не напишет, если будет в чем-либо нуждаться, ты ее не знаешь, да, Студнев, ты не знаешь моей матери или, по крайней мере, мало ее знаешь. Это, это...

– Святая, – произнес белокурый, плотный, некрасивый юноша, Сергей Студнев, представлявший из себя полную противоположность высокому, тонкому, изящному Ратманину.

– Святая и ангел!.. – подтвердил последний и хотел прибавить еще что-то, но стук в дверь и нежный голосок за нею заставили его разом замолчать и насторожиться.

– Вот и я. К вам можно? – произнес голосок, мелодичный и звонкий, и Анна Викторовна Ратманина появилась на пороге.

Это была худая, бледная, молодая еще женщина, с изнуренным, но необычайно красивым лицом, большими, впалыми, черными глазами. Несмотря на более чем скромный, даже бедный костюм, который она носила, несмотря на поношенное платье, небрежную прическу, показывавшую, что Анна Викторовна мало обращает внимания на свою внешность, – это была в полном смысле слова красавица. При виде ее тщедушной фигурки трудно было сказать, что она мать такого взрослого, семнадцатилетнего юноши, как Алексей Ратманин.

Вообще, ее сын мало походил на нее. Только одни ее глаза, мечтательные, грустные и глубокие, как море, были совершенно такие же, как у ее Алексея.

– Ну, вот и я, – произнесла она, протягивая руки обоим юношам сразу и награждая сына одним из тех взглядов, который может дарить только безумно любящая своего ребенка мать. – До поезда осталось час. Я пришла посидеть в «нашем уголке», Алеша. – она любовно окинула крошечную, обставленную более чем скромно, комнатку сына.

– Вот и отлично! А я вам мешать не буду. Прощай, Алексей! Дай Бог тебе удачи и счастья в столице. До свиданья! Возвращайся скорее с громкою славою и полным карманом денег, – говорил Студнев шутливым тоном.

Товарищи обнялись.

– Помни же! Ты обещал мне позаботиться о маме! – успел шепнуть другу Ратманин.

– Да уж ладно, ладно. Буду помнить. Ты только сам-то не забывай нас – пиши почаще.

И сильно тряхнув руку товарища, Студнев вышел.

– На вокзале увидимся! – успел крикнуть он с порога.

Едва только его плотная, коренастая Фигура исчезла за дверью, как Анна Викторовна нежно и сильно обхватила кудрявую голову Алеша, прижала его к груди и прошептала с внезапно застлавшими глаза слезами:

– Милый мой! Сокровище мое! Мальчик мой единственный! Хорошо ли я делаю, что отпускаю тебя? Алеша мой! Что ты будешь там делать один без меня. Как ты устроишься? Ведь ты привык к моей заботе и ласке! Я с ума схожу, Алеша, когда подумаю о том, как ты будешь одинок в чужом большом городе.

Она хотела добавить еще что-то, но не выдержала и заплакала, опустившись на близ стоявший стул. Ратманин обхватил ее талию руками, положил ей на колени свою красивую, темнокудрую голову и заговорил взволнованным, потрясенным голосом:

– Мама, золото мое... родная мама... не плачь! Эти слезы... они сводят меня с ума, мама! Дорогая моя, пойми. Ведь там, в столице, ждет твоего сына слава, ждет успех... А главное, занявшись серьезно искусством, я надеюсь, что в состоянии буду дать и тебе вздохнуть свободно. Ведь ты слепишь глаза за этим ужасным вышиваньем гладью. Помнишь, что сказал доктор? При таком труде тебе не хватит твоих глаз на два года... Это ужасно, мама! И я, сильный, здоровый и не бездарный юноша, буду сложа руки сидеть здесь и смотреть, как ты теряешь глаза, чтобы прокормить меня!.. Нет! Нет!.. Когда мне раньше советовали ехать в столицу и говорили, что только там я могу сделать карьеру, – я не хотел ехать, не хотел расстаться с тобою... Но слова доктора окончательно убедили меня, что я должен, что я обязан ехать... Ведь все утверждают, будто у меня действительно талант и что мне остается лишь доучиться, чтобы стать настоящим художником. Не оставаться же мне здесь! В нашем городишке негде учиться художнику, негде сбывать картины... А там, ты пойми, я поступлю в академию... Там, мамочка, я буду учиться, учиться и работать. И я надеюсь, что мне удастся найти работу, которая доставит мне возможность обеспечить и тебя, мама... Ах, мама, я верю в мой талант, и верю в мою счастливую звезду... Столица доставит мне и славу, и деньги. Я в этом убежден... Но, главное, столица даст мне возможность помогать тебе... Я ежемесячно стану высылать тебе мой заработок... Милая ты моя мамочка!

И он с нежностью перецеловал один за другим тоненькие пальчики матери.

Анна Викторовна перестала плакать. Она сидела задумчивая, притихшая и любовалась своим большим, умным, добрым и талантливым мальчиком.

Весь город знает, как он талантлив, ее Алеша; весь город знает, как он всеми силами старается облегчить тяжелую долю матери-труженицы. Но в маленьком Вольске негде развиваться таланту юноши, негде найти сбыт работам, за которыми немногие жившие там знатоки признают уже давно выдающиеся достоинства. Давно уже Анне Викторовне говорят, что ее Алеше нужно ехать куда-нибудь в большой город или в столицу, где из ее сына мог бы выйти выдающийся художник, но она и слышать не хотела о том, чтобы расстаться с своим ненаглядным, единственным сынишкой. Но теперь сам Алексей выразил твердое намерение ехать в столицу – и она не будет противиться ему. Пусть едет – раз иначе нельзя. Она не будет горевать больше... Ей нельзя удерживать его, мешать ему... Кто знает? Может быть, столица, этот чуждый, неведомый им обоим, страшный город, даст славу и деньги ее Алексею.

И она быстро осушила последние дрожащие на ее ресницах слезинки и, прижав к себе еще раз голову своего Алеши, прошептала:

– С Богом, мой мальчик... А я здесь буду молиться за тебя...

II

Как во сне ехал Алексей Ратманин по шумным и суетливым петербургским улицам. И не только сейчас, а все это время переезда от Вольска до Петербурга казалось ему одним сплошным тяжелым кошмаром. Прощанье с матерью, с любимым учителем – художником Волиным и другом Сергеем, слезы его мамочки, ее последние напутствия и благословения, долгий, как вечность, путь, приезд и эта совсем чужая ему сутолока на чужих улицах в чужом городе совершенно закружили и разбили его, ничего подобного не встречавшего в своей глухой провинции. Полуживой от усталости, он таскался уже около часа по городу, стараясь найти себе дешевенькую комнату со столом, но всюду, куда ни подвозил его Ванька, нанятый им у вокзала, куда бы ни заходил Алеша, все не подходило ему. То цены за комнату пугали его, то ему показывали такую темную конуру, где ни в коем случае нельзя было заниматься живописью.

Но вот извозчик, проехав целый ряд разных улиц, остановился в каком-то узком переулке, перед деревянным небольшим и невзрачным домом, у ворот которого на стене висело несколько зеленых билетиков о сдаче комнат.

– Посмотрите, барин, – сказал извозчик, – здесь, кажись, фатерки дешевые... Давеча студента возил, тот тоже здесь комнату снял...

Алексей выскочил из саней и, оставив свой чемоданчик, ящик с красками и кистями, мольберт и весь свой скромный багаж на попечение извозчика, бросился в ворота и в следующую же минуту звонил у дверей первой квартиры.

Заскрипели легкие шаги за дверью.

– Кто там? – послышался женский голос.

«Господи! совсем точно мамин голос», – мелькнуло в голове Алеши, и даже дух захватило у него в груди.

Дверь распахнулась и хорошенькая молодая девушка появилась на пороге.

– Здесь отдается комната? – спросил Ратманин.

– Пожалуйте, здесь, я покажу вам, – и, ласково кивнув белокурой головкой, девушка прошла вперед.

Алексей последовал за нею. Комнатка, в которую она привела его, была небольшая, но очень уютная и вся залитая солнцем.

– Ну-с, как вам нравится эта комната? – спросила девушка.

– Комната очень хорошая, – ответил Ратманин. – Мне бы она вполне подошла, только если цена...

– О, не беспокойтесь! мы недорого возьмем, так как эта комната уже третий месяц стоит пустая, – сказала девушка. – Жаль, дяди нет, но я вам прямо скажу: раньше мы брали за нее пятнадцать рублей в месяц, а теперь отдадим и за десять... Обеды тоже можете у нас иметь. По тридцати копеек за обед не дорого будет для вас? Самовар когда хотите, хоть четыре самовара в день пейте... И прислуге ничего платить вам не придется, потому что у нас прислуги нет, а убирать комнату буду я, да и готовлю я...

«Какая она славная, а главное на маму голосом похожа», – подумал Ратманин и тут же добавил вслух:

– Мне эта комнатка страшно нравится, рисовать здесь удобно.

– А вы художник? – так и встрепелась девушка.

– Начинаящий, – скромно отвечал Алеша.

– Вот хорошо-то! – еще более оживилась она и даже запрыгала на месте, как маленькая девочка. – И дядя художник тоже.

– Да ну?

– Да, да! О, он картины на заказ пишет и портреты... И вы тоже будете писать на заказ?

– Надеюсь, и я тоже! – засмеялся Алеша и заявил, что он снимает комнату.

– Когда же вы думаете переехать? – спросила девушка.

– Да сейчас. Ведь у меня все вещи с собою.

– Ну, вот и отлично. Я сейчас пошлю дворника за вашими вещами. Ведь, наверное, вещей у вас не так много, один дворник унесет? – и она так хорошо и добродушно рассмеялась, что и сам Алеша не мог не засмеяться следом за своей новой хозяйкой.

– Да, вы угадали, вещей у меня немного, – произнес он шутливым тоном и потом прибавил: – А вас как зовут? Позвольте узнать.

– Анной Дмитриевной! А вы меня можете называть просто Нюрой, а то что там «Анна Дмитриевна». Смешно.

– Ах, как хорошо, что вы Анна! – произнес Алеша.

– Почему же?

– Да маму мою так зовут. И голос у вас совсем как у мамы, и волосы. Нет, я действительно рад, что к вам попал. Вы мне маму напомнили.

– Вы, верно, маму вашу без ума любите? – поинтересовалась Нюра.

– Еще бы! – отвечал Алеша таким тоном, что сразу расположил к себе девушку. – Ведь у меня, кроме мамы, никого нет на свете... Она меня после смерти отца вынянчила, выходила и человеком сделала. Как же маму не любить! А вы разве матери своей не любите?

– У меня нет матери и отца нет... Я круглая сирота, – грустно ответила Нюра.

– Бедная! – тихо произнес Алеша. – А эта квартира, скажите, принадлежит вашему дяде, да? – спросил он.

Нюра закусила губы и, запинаясь, не сразу сказала:

– Дмитрий Васильевич Марин, хозяин этой квартиры, мне, собственно, не дядя, а какой-то дальний родственник моей покойной мамы, который взял меня из приюта... Я его называю дядей и уже третий год у него живу, хотя...

Она не досказала и спросила:

– Позвольте вас спросить, как вас звать?

– Меня зовут Алексеем... Алексеем Ивановичем. Но я не привык, чтобы меня так называли, да и привыкать не хочется. Мама называла меня всегда Алексеем или Алешей, и я бы хотел, чтобы и вы, Нюра, меня так называли. У вас голос очень похож на голос моей мамы, и когда вы будете меня называть Алексей, это мне будет напоминать мою дорогую маму.

– Хорошо! хорошо! – радостно ответила девушка. – А только я с вами заболталась. Дворник уже давно вещи принес.

И, сказав это, она побежала в прихожую. Оттуда через несколько минут послышался ее звонкий голосок:

– Я вам вещи тащу, Алеша!

И вскоре сама она, раскрасневшаяся от усилия, втащила чемодан и другие вещи нового жилья.

– Ну, теперь устраивайтесь, – произнесла она весело, – вот и пожитки ваши. А я вам кофейку заварю с дороги. Вам что понадобится – крикните. Я тут неподалечку в кухне буду.

И она быстро скрылась за дверью.

Алеша принялся устраиваться.

Но лицо, голос и вся фигура Нюры дали его мыслям новое направление. Он задумался о матери, которую так живо напоминала ему его новая знакомая. Как живая встала перед ним миниатюрная Фигура Анны Викторовны; он вспомнил о ее, начатом еще в Вольске, портрете, быстро вынул его из чемодана, поставил мольберт, растер краски и, накинув на плечи рабочую блузку, стал дописывать ее портрет.

Он так прилежно работал, что и не заметил, как отворилась дверь и Нюра, осторожно неся стакан кофе и булки, вошла в комнату.

– Вот вам ваш завтрак! – произнесла она. – Батюшки! уж он за делом! – и девушка вскинула глазами на мольберт.

– Господи! Что это за красавица такая! – вырвалось из груди ее восторженное восклицание.

– Эта моя мама! – с заметной гордостью произнес Алексей. – Вам нравится?

– Очень, очень хорошенькая! – восхищалась Нюра, разглядывая красивое лицо Анны Викторовны.

– Что хорошенькая – душа у нее золотая! Видели бы вы, как она глаза над меткою чужого белья слепила, чтобы меня только накормить, одеть и обуть!

И Алеша с жаром стал рассказывать о своей матери. За разговором они не заметили, как пролетело время и как незаметно сдружились, точно были знакомы давным-давно.

Вдруг в передней раздался зычный, грубый голос, от которого задрожали даже стены маленькой квартирки.

– Дядя пришел. Надо его кормить обедом, – произнесла далеко не радостным тоном Нюра и поспешила к себе.

Алексей с новым жаром принялся за работу.

III

– Очень приятно познакомиться, молодой человек, – произнес минут через пять тот же грубый голос, – позвольте представиться: я хозяин настоящей квартиры, Дмитрий Васильевич Марин. – И на пороге показался худой высокий человек, с черной бородой, с далеко не привлекательным лицом.

Алеше он с первого же взгляда не понравился; его маленькие, беспокойно бегающие глазки, его льстиво-угодливая улыбка, небрежный костюм и грубый, хриплый голос, все как-то сразу отталкивало от него.

Марин любопытным взором окинул мольберт и громко, с удивлением спросил:

– Чья эта картина?

– Как чья? – не понял Алеша, – это я нарисовал портрет моей матери.

– Вы? Да это не может быть! Этого не мог нарисовать такой юноша, почти мальчик, как вы, – грубо произнес Марин. – Я этому не верю.

Алеша с наивным изумлением посмотрел на Марина.

– Вы в самом деле находите, что этот портрет исполнен хорошо? – спросил он.

Но Марин ничего не ответил. Он жадными глазами рассматривал портрет, то отступая на несколько шагов от мольберта, то приближаясь к нему, и повторял:

– Не может быть! Этого не мог нарисовать начинающий юноша! Позвольте мне посмотреть вашу работу у себя в комнате? – спросил он затем, прибавляя: – Там светлее.

– Пожалуйста! – ответил Алеша.

– Буду очень рад вас видеть у себя сейчас же! – произнес Марин и, поспешно схватив портрет, быстро выбежал с ним за дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.